ШЕИХЪ НАДЖМУДДИНЪ.

Страшное и позорное было время, когда Чингисъ, или, какъ называютъ его восточные лѣтописцы, Ханъ Кашурстанъ, мстилъ Хоарезмскому шаху Махмуду, владѣтелю Мауранне гра, т. е. междурѣчья, земель между рѣками Сыръ и Аму, за избіеніе пословъ и купцовъ своихъ. Описаніе осады каждаго города оканчивается у Абулгазы–Хана словами: *килибъ алыбъ, кательгамъ килды, таки калганы иръ брлянъ сиксанъ килды* — то есть: «пришелъ, взялъ, вырѣзалъ, и городъ сравнялъ съ землею». Въ Бальхѣ, напримѣръ, одна женщина, отмаливаясь отъ ножа убійцъ, обѣщала дать имъ крупную, драгоцѣнную жемчужину. Гдѣ она у тебя? спросили Чингизовы монголы. Я ее проглотила, отвѣчала женщина. И не призадумавшись ни намигъ, распороли они ей заживо брюхо и вынули жемчужину. Алчные, падкіе на добычу и звѣрскіе

побѣдители приняли съ этого времени за правило, говоритъ Абулъ–Газы, обыскивать такимъ образомъ всегда тѣла убитыхъ, чтобы подобное богатство не могло отъ нихъ скрыться.

Когда древній и славный Хоарезмъ, столица Мауранегра, была взята Джуджи, Укдай и Чегатай султанами, сыновьями хана Кашурстана, то они послали сказать Хазретъ шеиху Наджмуддину, славному мудрецу и заживо признанному святымъ поборникомъ исламизма, послали сказать, что «не желая его топтать подъ ноги», дозволяютъ ему выйти изъ города, который будетъ вырѣзанъ до послѣдней души. — Я не одинъ, отвѣчалъ шеихъ, у меня есть друзья и сродники. — Пусть выйдетъ самъ–десятъ отвѣчали Шазадаларъ, князья Чингисовой крови. — Насъ болѣе десяти, возразилъ шеихъ. — Пусть выйдетъ самъ–сотъ, снова отвѣчали тѣ, въ припадкѣ безотчетнаго, прихотливаго великодушія. И болѣ сотни, сказалъ со вздохомъ шеихъ, и не трогался съ мѣста. — Пусть–же выйдетъ и выведетъ съ собою тысячу человѣкъ;

кажется, этого будетъ достаточно сказали удивленные упорствомъ шеиха князья, или у него родство и братство такъ велико? Мы слышали, что онъ богоугодный одинокій человѣкъ. — Въ золотое время, среди холи и изобилія, возразилъ шеихъ, было у меня друзей и душевныхъ сродниковъ много; гораздо за тысячу; всѣ жители огромной славной столицы нашей были мнѣ друзья и пріятели. А нынѣ, въ часъ горя и напасти, отрекусь–ли отъ нихъ, посягну–ли на выборъ и обреку прочихъ мукамъ и смерти? Нѣтъ, злые недруги, жгите всѣхъ насъ, рѣжьте и топите поголовно; но я не лучше другихъ; на меня не изливайте своего язвительнаго милосердія!

И жители Хоарезма розданы были воинамъ Чингисовымъ, и на долю каждаго воина досталось двадцать–четыре души, малыхъ и большихъ, дѣтей, стариковъ, женъ и дѣвицъ. И каждому воину приказано было, въ ознаменованіе славной побѣды, зарѣзать доставшихся на долю его плѣнниковъ. Этимъ заключилось пиршество монголовъ.